
Йован Дучич

ЯДРАНСКИЕ СОНЕТЫ

Перевод с сербского О.А. Комкова

У ВОДЫ

Из Бониново

Лунная дорожка море посребрила,
На уснувшей глади блещет, бесконечна.
Тишь. Волна на камни набрела уныло
И с печальным плеском канула навечно.

Ночь тоскливо пахнет кипарисной смолю.
Пепельное небо. Берега и воды
Этой ночью дышат некой странной болью,
Тихой грустью веют облачные своды...

У меня же рвутся сто сердец из груди,
И бурлит, проснувшись, естество больное,
О звезде ль тоскуя иль о женском чуде.

Всё кипит в утробе пенною волною —
Будто в миг рожденья! — безымянной ночью
У воды, где звёзды тайну зрят воочью.

БЛИЗ МОРЯ

Из Боки

В каменном безмолвьи, сумрачно и странно
Высится над старым торжищем близ моря
Лев венецианский. Внемлет шум Ядрана,
Где века проходят, волнам тихо вторя.

Ветхий и усталый, с поседевшей гривой,
Он тяжёлым телом в землю врос глубоко;

И, захвачен далью бледной и тоскливой,
Стынет взор недвижимый мраморного ока.

Прибегут, резвяся, дети к исполину:
Дразнят, понукают, оседлавши спину,
И палат со смехом из бузинных ружей.

Но спокойно ждёт он, полон мрачной веры,
Как у горизонта старые галеры
Проплывут, объаты вековой стужей.

СЕЛО

Из Трстено

Круторогий месяц виснет меж развилин
Старого каштана; ночь прозрачна стала.
Как больная совесть, смолкшая устало,
Море спит, мерцающая сотнями светил.

Стынут кипарисы; месяц, обессилен,
Льёт серебристый холод; синью заблистала
Изморозь на травах, словно покрывало.
Слышен крик. То кличет на поляне филин.

И село рыбацье с каменной грани
Соскользнуло в заводь — и за мглюю млечной
Еле различимо, как в воспоминаньи.

Всё бесследно тонет в тишине предвечной.
Ни души, ни звука; только где-то глухо
Бьют часы, которых не услышит ухо.

ЛЕТО

Из Жупы Дубровницкой

Венчану лозою и цветками маков,
В тот далёкий жаркий день её я встретил.
Пела перепёлка средь горячих злаков,
Мглистый зной над морем был прозрачно-светел.

И дышало лето над водой и сушей
Запахом пожара. Стёжки-вереницы
Заросли осокой. Что хохол петуший,
Рдела самосейка в шумной косовице.

Ты со мною рядом шла, моя подруга,
Страстная, как лето, вдоль воды и луга,
И сияли волны, залитые жаром.

Ах! Погасла юность, как заря над яром!
Но не меркнет образ, вечно одинаков:
Огненные косы и венок из маков.

СЛУШАНИЕ

Из Дубровника

Опустился вечер над морской равниной,
Млечный Путь далече высветился снова —
В этот час, как птица из гнезда родного,
Устланного мхами и пахучей тиной,

Ввысь душа взмывает. Древнею стремниной,
Словно море, полной тягостного зова,
Бьются в ней желанья страстно и сурово...
И шумят над нею звёзды ночью длинной.

Вот, подобно чайке в шёлковом наряде,
Опустилась тихо и на чёрной глади,
Как дитя, уснула, выплакавши горе.

А когда поутру осребрятся дали,
Гласом безутешной и больной печали
В ней шуметь немолчно будет песня моря.

ДУБРОВНИЦКИЙ РЕКВИЕМ

Тягостно и скорбно, вторя гласам хора,
Бронзовые горла исторгали пенье.
А она лежала посреди собора,
Как принцесса Грёза в тихий час успенья.

Так светла, печальна, в белом покрывале;
В гуще роз и мирта утонули плечи.
А вокруг дворяне горестно внимали
Долгой панихиде и держали свечи.

Древние каноны свято соблюдая,
Скорбный чин свершала братия седая,
И померкший полдень в окна таял зыбко.

Зазвонили отпуст, и под звуки хора
На лице недвижном тихая улыбка,
Словно сон, блеснула в сумраке собора.

ДАЛМАЦИЯ

Из Сплита

С древней колокольни над холмами Сплита
Мерный звон струится. Дремлет гладь морская.
Кровь зари вечерней на воде разлита,
Стынет и дымится, в сумерках сверкая.

Альбатрос-отшельник кружит над волнами,
Заплутал, родные позабыв просторы.
А в кровавом небе полыхает пламя,
И вдали курятся голубые горы.

Гордо, величаво, вестником крылатым
Альбатрос кружился... В шёлковой порфире,
С высоты блистая пурпуром и златом, —

Словно дух суровый Диоклетиана¹
Посреди любимой далматинской шири
В Царский День², под вечер, к солнцу взмыл внезапно.

¹ В Сплите находятся развалины дворца римского императора Диоклетиана (284—305). Дворец, построенный в родных местах Диоклетиана, стал излюбленной резиденцией императора. После отречения от трона в 305 году Диоклетиан провёл там остаток своей жизни.

² Царский День — в восточнохристианской традиции день, когда Церковь празднует тезоименитство одного из членов царской семьи.

НОЧНЫЕ СТИХИ

Близ монастыря Св. Якова в Дубровнике

Всё в ночи люблю я: тусклый омрак лета,
Тяжкое безмолвье и раскаты грома;
Мне до боли внятна чёрных рек истома,
Что протяжной песней льётся до рассвета.

Камни, листья, волны, скрывшиеся где-то,
В этой смутной песне шепчут мне знакомо;
И душа, незримым таинством влекома,
В ней шумит, как море, сумраком одета.

Я — частица ночи. В час, как над водою
Утренние ветры лёгкой чередой
Медленно погасят белый звёздный пламень, —

Ночь вздохнёт прощально в забыты усталом
И, овеяв мглой и цветом, и камень,
Мне лицо укроет слёзным покрывалом.

УТРЕННИЙ СОНЕТ

Близ церкви Пресвятой Богородицы Милосердной

Голубеют лавры, пахнут мглой жасмины,
Серебрятся скалы, сонной неги полны;
Смутный говор слышен из морской стремнины:
То, проснувшись, бродят утренние волны.

И повсюду чую, тронут тихим шумом,
Я живую душу в бледном запустении.
Море пахнет рыбой; за холмом угрюмым
Стеклeneет небо, умирают тени...

Помню, как ребёнком, предвкушая зорю,
Этой же тропой я спускался к морю,
И вздымался шумный вал нетерпеливо.

Слышу и поныне в шёпоте прилива
Тот же стих, которым ширь меня встречала, —
Зов строфы заветной, коей нет начала.

ЗВЁЗДЫ

С острова Лопуд

Тихо блещут звёзды средь ветвистой кроны,
И шумит над нами в смолкнувшей дубраве
Только песня моря, омывая склоны,
Как роса, что пала в серебристой яви.

Я вплетал ей в косы, полон жажды страстной,
Вымокшие розы. Стёжки пахли мхами,
И лицо любимой млело ночью ясной,
Взор пылал, как звёзды, губы жгли стихами.

Всюду шум, сиянье; дождевым потоком
Белый свет струится, рошу заливая;
Мирно спят оливы в сумраке далёком...

И качает море звёзды, напевая,
И, плеснув на сонный берег, лишённый тени,
Их катает нежно по песку и пене...

ЛЮБОВЬ

Из Стона на Пелешце

В опустевшей церкви не слышать распева,
Только стынь и сумрак долгие недели;
И тихонько плачет в брошенном приделе
Бледная от горя Пресвятая Дева.

И за каплей капля по стене струится;
Лунный свет мерцает сквозь цветные стёкла,
Серебром холодным расстилаясь блёкло
Под ноги Пречистой, словно плащаница.

Здесь крадутся тени вереницей грозной;
Отовсюду веет дух молитвы слёзной.
Мир безмолвен, хладен. Бдит одна лишь Дева.

Так же безутешна и любовь. Без гнева,
Без обид, без цели бдит в душе поныне:
А в руке воздетой — чудо благостыни.

ЛУННЫЙ СВЕТ

На Лападе

Лунный свет роняет брезжущие пятна
На широкий мрамор вековых ступеней,
Сад и кипарисы. Шепчет ночь невнятно:
То прилив стихает под покровом теней.

А моей любимой грустно в те минуты:
Лишь в ночи заплачут молодые розы —
И она заплачет; но уста сомкнуты,
И никто не знает, что скрывают слёзы.

Наполняя болью сумрачную воду,
Песня сфер струится вдаль по небосводу,
И прилив, умолкнув, канул в царстве теней.

А когда услышу снова голос милый,
Веет в нём, как тайна, средь ночных видений
Запах кипарисов мгlistый и унылый.

ВЕЧЕРНЕЕ

Из Цветата

Остров, что покрыли пышные оливы,
В море чёрной чайкой дремлет одиноко.
На безмолвный берег сумерки до срока
Пали, как забвеньё, призрачны и сивы.

Словно поцелуи, тихих волн приливы
Льнут к солёным скалам, что чернее рока.
Купол колокольни виден издалёка,
А вокруг маслины, тополи да ивы.

Мне опять не спится. Вновь подумать больно
О тебе; и слышу, как скорбит невольно
Колокол вечерний, исторгая стоны.

Я молчу, затерян в опустевшем мире,
А на волнах тени делаются шире...
И плывут печально звоны, звоны, звоны...